

МИХАИЛ ДЕЛЬНОВ

КОДЕКС ИЗБРАННОГО

ТОМ ПЕРВЫЙ

Шум

У героя этой книги нет имени.

Как вы его назовёте?

Восемь месяцев, чтобы решиться.

Чужая жизнь ждать не обязана.

Михаил Дельнов

Кодекс избранного

Том первый

Шум

Роман с авторскими размышлениями

Ознакомительный фрагмент · редакция 2

2026

Прежде чем начать

У человека в этой книге нет имени. У него есть съёмная комната, работа, которую он считает временной, и долг. В декабре он пересчитывает оплаченные курсы. Скоро ему предложат маленькую мастерскую.

Можно дать ему имя. Можно оставить безымянным.

Мне хотелось написать о времени между возможностью и ответом — когда человек ещё примеряет будущее, а рядом уже идут чужие дни. Получилась история восьми месяцев.

После романа собраны короткие размышления «На полях». Это мои вопросы к прочитанному. К ним можно вернуться позже; история читается и без них.

Михаил Дельнов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ / ШУМ

Глава 1. Сорок один

Сорок один.

Он пересчитал дважды. В первый раз сбился на тридцати с чем-то: два курса назывались почти одинаково, и он не помнил, покупал ли второй или только собирался. Оказалось, покупал. Письмо с доступом лежало сразу под письмом о том, что доступ скоро закончится.

В комнате было жарко. Он открыл форточку, но холод шёл поверх батареи узкой полосой и до кровати не доходил. На подоконнике стояла кружка с чайным кольцом на дне. Чтобы поставить туда ноутбук, пришлось бы убрать кружку, два винта от карниза и прозрачную коробку, в которой он собирался хранить документы. В коробке лежали батарейки.

Ночь на двадцать третье декабря подходила к часу. Во дворе кто-то долго пытался завести машину. Стартер замолкал, и тогда становилось слышно, как сосед за стеной водит стул по линолеуму. Впрочем, сосед мог водить чем угодно: они жили здесь восемь месяцев и однажды обменялись тремя словами возле стиральной машины. Он знал о чужом распорядке гораздо больше, чем о человеке.

Он открыл новую заметку и написал: «Аудит обучения». Слово «аудит» делало происходящее похожим на работу. Под ним появились три колонки: стоимость, статус, результат. Первые две заполнялись. С третьей возникли затруднения.

У курса по переговорам он сначала поставил «навыки коммуникации», потом стёр. Это ничего не значило. В соседней строке написал: «Лучше понимаю себя». Посмотрел и тоже стёр. Название курса по памяти он вспомнил не сразу и усмехнулся.

Некоторые платформы уже не открывались. Одна перенаправляла на магазин строительного крепежа. Он несколько секунд смотрел на серый анкер с красной ценой, будто этот предмет мог объяснить, куда делась его прежняя жизнь. Курс там был про личную стратегию. Он помнил лицо преподавателя, белую доску, начало второго занятия. В конце занятия предлагалось представить обычный день через пять лет. В его представлении тогда не было ни одного анкера.

От двух покупок сохранились только чеки. Ещё одна была сделана ночью, ровно в такое же время. Он раскрыл письмо целиком и увидел собственное прежнее решение: тариф дороже, с проверкой заданий. Первое задание он не отправил. Не успел к сроку, а потом было неловко начинать с объяснения, почему не успел.

Сумму он пока не считал.

Почти все занятия прекращались похоже. Первый урок он смотрел внимательно, иногда записывал от руки. На втором обнаруживалось, что многое уже слышал. Третий приходился на тяжёлый день. К четвёртому хотелось найти что-нибудь точнее: это было слишком общее, рассчитанное на новичков, не вполне подходящее под его обстоятельства. Иногда так и было. Один преподаватель сорок минут пересказывал текст с экрана. Другой продавал следующее обучение раньше, чем начинал нынешнее. Но среди сорока одного были и хорошие. Именно хорошие мешали ему свести всё к обману.

Он мог вспомнить полезную мысль почти из каждого. У курса по переговорам вернулся в третью колонку и поставил вопросительный знак.

Потом открыл банковское приложение.

До минимального платежа оставалось шесть дней. После него — аренда комнаты. Если отложить покупку зимних ботинок, всё сходилось с небольшим запасом. Правый ботинок расходился у сгиба; он обнаружил это на прошлой неделе, когда

наступил в жижу возле метро. Можно было заклеить. В сервисе был клей, хотя для обуви, наверное, требовался другой.

Он подумал о полной сумме курсов и не стал складывать. Для первой ночи достаточно было количества.

В тридцать два года он жил так, словно главная часть жизни ещё не началась и потому к нынешней нельзя предъявлять окончательные требования. Комната была временной. Работа — временной. Питание, люди, выходные, долг — всё принадлежало предварительному этапу.

На телефоне высветилось сообщение от матери: присланная вечером фотография снега возле дома. На снимке было крыльцо, угол сарая и её палец в нижнем правом углу. Он увеличил снег. Там, где раньше стояла скамейка, теперь лежали две доски.

«Красиво», — написал он.

Посмотрел на время и удалил сообщение, не отправив. Она могла проснуться. Утром ответит.

• • •

В подвальный сервис он спускался по семи ступеням. На пятой зимой скапливалась вода, на седьмой лежал резиновый коврик, который каждый входящий сдвигал к двери. Утром он всегда возвращал коврик на место. Это было первое действие рабочего дня, совершаемое без рассуждений и почти безошибочно.

Костя уже включил вытяжку. Под её слабый гул он держал плату пинцетом и искал что-то под увеличением. На столе стоял открытый йогурт; крышка была сложена блестящей стороной внутрь.

— Там скользко, — сказал он.

— Я пришёл, — ответил Костя.

— В смысле для клиентов.

— Соль внизу. За коробкой.

Соль оказалась в обрезанной бутылке. Он посыпал ступень и вернулся.

— На неделю хватит, — сказал он про соль.

— На обед тоже, если йогурт кончится.

— У тебя он ещё с пятницы.

Костя повернул баночку датой к себе и отодвинул.

Первым посетителем был мужчина с мокрыми рукавами. Он положил телефон на стойку и остался держать его двумя пальцами, будто мог передумать.

— Экран. Только без всего остального.

— Посмотрим.

— В прошлый раз посмотрели, потом ещё аккумулятор нашли.

— У нас?

— Не у вас. Какая разница.

Разница имелаась, но он не стал её объяснять. Осмотрел рамку, спросил, падал ли телефон после замены, записал видимые повреждения. Мужчина постепенно перестал придерживать аппарат. Когда услышал срок, снова положил руку на край стойки.

— Мне к четырём. Я на нём работаю.

— К четырём должен успеть.

Костя, не отрываясь от платы, сказал:

— Проверь наличие.

Он уже видел на полке подходящую коробку. Но достал её и обнаружил другой цвет рамки. В нужной коробке лежало стекло, отложенное под вчерашний заказ. Пришлось звонить поставщику. Мужчина слушал разговор без выражения, и обещанные четыре часа начинали казаться не сроком, а долгом, который он успел взять за тридцать секунд.

Договорились на пять. Клиент ушёл недовольным меньше, чем мог бы.

— Я бы нашёл, — сказал он, садясь.

— Уже нашёл.

У Кости получалось произносить такие вещи без торжества. Это раздражало особенно. Если бы он издевался, можно было бы ответить. Но Костя лишь подвинул к нему кружку, стоявшую на опасном краю стола, и продолжил работу.

К полудню у него болела шея. Третий аппарат плохо открывался: старый клей держал угол рамки, и он убавил усилие, прогрел ещё раз, подождал. Внутри обнаружился винт от прежнего ремонта, зажатый возле шлейфа. Он сфотографировал его на месте, вынул и подозвал Костю.

— От прежней сборки. Смотри, уже отпечаток.

Костя придвинулся к лампе.

— Чуть не продавало.

— Ещё бы раз уронил.

Он показал под увеличением и убрал винт в пакет к заказу. Клиенту предстояло объяснить находку; по телефону тот уже подозревал, что ему сейчас придумают ещё одну поломку.

Пока рамка остывала, он открыл урок.

На экране человек в светлом кабинете объяснял, что в переговорах нужно прежде всего понимать собственную альтернативу. Голос звучал убедительно. Он уменьшил громкость, когда в кабинет вошёл Вадим, и сделал вид, что читает описание детали.

Вадим принёс пакет с крепежом и квитанцию. Он был в куртке, хотя в помещении было тепло, и от этого разговор заранее казался коротким.

— По субботе решите, кто выходит. Только сегодня, пожалуйста. Мне вечером график нужен.

— Я, наверное, могу, — сказал он.

— Наверное не поставлю. Можешь?

Он мог. Ничего назначенного на субботу у него не было, только целый ряд вещей, за которые он собирался наконец взяться. Согласившись, он как будто предавал возможность другой жизни; отказавшись, терял деньги, которые требовались вполне определённо.

- Могу.
- Хорошо. Костя, у тебя как?
- У меня Соня.
- Понял.

Он тоже мог бы сказать: «У меня планы». Только тогда Вадим спросил бы, выходит он в субботу или нет.

Вадим задержался у стойки, пересчитал конверты с заказами. Сейчас можно было спросить о деньгах. Он готовил разговор давно. Сначала хотел обсудить ставку, потом понял, что правильнее говорить о проценте; затем нашёл материал о том, почему разговор нужно начинать с ценности, которую создаёшь. Составил список выполненных ремонтов, но не знал, какие цифры Вадим считает значимыми. Можно было спросить и об этом.

- Вадим.
- А?

Хозяин держал один конверт против лампы, пытаясь разобрать карандашную запись.

- Деталь на пятый заказ приехала?
- Завтра.
- Ясно.

Он вернулся к столу. Вадим ушёл. Урок всё ещё был открыт, и преподаватель задавал вопрос о том, что слушатель готов потерять, если соглашение не состоится.

- Костя снял очки.
- Это что?
- Переговоры.
- А прошлый?
- Что прошлый?
- Ты же уже смотрел какой-то.
- Там ведущий слабый.

Костя кивнул. Он действительно хотел узнать и получил ответ. Никакого второго смысла, вероятно, не было. Но следу-

ющие двадцать минут ему пришлось работать так, словно второй смысл заполнил всё помещение.

• • •

Обедали они по очереди в углу за ширмой. Он разогрел гречку в пластиковой коробке, от которой давно отломилась одна застёжка. На телефоне было три непрочитанных сообщения: доставка, банк, Даша. Сестра прислала фотографию небольшого шкафа, стоявшего в чьём-то коридоре, и спросила, нормальный ли он. Он ответил, что по фотографии трудно понять. Она написала: «Я про размер».

Он увеличил снимок и только тогда заметил рулетку.

Через ширму доносился разговор Кости с посетительницей. Она хотела перенести фотографии и всё время извинялась, что их слишком много. Костя объяснял, что дело не в количестве фотографий, а в свободном месте. Женщина опять извинялась. Он убавил звук на телефоне, чтобы слышать, чем это кончится. Костя третий раз объяснял про свободное место, уже громче. Женщина снова извинилась.

Костя отодвинул ширму.

— Тебе ещё долго?

— Пять минут.

— Ладно.

Он хотел спросить Костю, не чувствует ли тот иногда, что всё проходит мимо. Вопрос был бы понятным и даже, наверное, хорошим. Но он уже представлял ответ: «Да нормально всё».

— Машину сделал?

— Дверь закрыл нормально. Теперь печка.

— Опять?

— Она первый раз.

Они посмотрели друг на друга, и он неожиданно рассмеялся. Костя тоже улыбнулся.

Он пододвинул стул, освобождая место для Костиной коробки.

Потом он спросил:

— А зачем ты её вообще держишь, если не ездешь?

Костя не ответил сразу. Посмотрел на часы.

— Я езжу.

— Ну редко.

— Редко.

Он понял, что лёгкость кончилась, хотя не сумел бы сказать, в каком именно слове. Убрал коробку, освободил место.

К пяти приехал первый клиент. Телефон был готов. Мужчина проверил экран, открыл приложение, произнёс: «Ну, вроде», — и расплатился. На выходе остановился возле ступени.

— Посыпали, что ли?

— Утром.

— Хорошо.

Похвала относилась к соли. Он почему-то запомнил её лучше, чем оплату ремонта.

• • •

Вечером он зашёл в продуктовый и долго стоял у полки с кофе. Дешёвый стоил почти столько же, сколько раньше дорогой. Он сравнил массу упаковок, посчитал цену за сто граммов, взял меньшую. Большую вернул на полку, хотя она обходилась дешевле в пересчёте на вес.

Дома сосед занимал ванную. Он сел на кровать в куртке и ответил матери. Та прислала голосовое, в котором спросила, не холодно ли у него. Из батареи шёл жар, правая ступня была влажной, и выбирать один ответ не хотелось. Он написал, что всё нормально.

Потом открыл ночной список.

Число сорок один выглядело теперь менее страшным. Между ночью и вечером прошёл рабочий день. Он починил

четыре телефона, согласовал поставку, дал сестре совет о шкафе.

Но в колонке «результат» по-прежнему было пусто.

Он попробовал сформулировать иначе. Не всякое обучение обязано сразу приносить деньги. Не всякая мысль измеряется действием. Ему нравилось понимать вещи, он имел на это право. Чтение не должно оправдываться отчётом о полезности.

Он набрал этот абзац над таблицей. Получилось небольшое вступление, после которого заполнять её уже не так хотелось.

Когда-то он начал учиться, потому что хотел уйти из сервиса. Потом хотел уйти правильно: с запасом денег, понятным направлением, навыками, которые не устареют. Затем — не просто уйти, а сделать шаг, соответствующий его возможностям. Обычная новая работа уже казалась недостаточной. Слишком маленькое изменение не оправдало бы времени, потраченного на подготовку.

Теперь, чтобы начать, ему требовалось заранее доказать, что предыдущие годы не были потеряны.

Он снял куртку. В комнате становилось неуютно от того, как много вещей имели определённые размеры: кровать, шкаф, пятно на потолке. Будущая жизнь была просторнее, потому что не требовала ни длины, ни ширины. Там можно было разместить всё, что не помещалось здесь.

Он вспомнил один вечер в баре. Девушка, с которой его познакомили, спросила, чем он интересуется. Он рассказывал о привычках, о том, как среда управляет решениями, о внимании. Она слушала. В какой-то момент ему показалось, что он говорит от имени человека, которым собирается стать, и никто не замечает подмены.

Потом она спросила:

— А у тебя что получилось изменить?

Он ответил что-то длинное. Вечер продолжился; она не облачала его, не смеялась. Возможно, вопрос был простым выражением интереса. Но сейчас он помнил именно его.

В соседней комнате стул снова проехал по полу. Он закрыл ноутбук и остался сидеть с ладонью на крышке.

Учёба была одним из немногих мест, где он чувствовал себя человеком, который движется. Он помнил, как однажды до утра разбирался с непонятным чертежом, а на работе нашёл по нему неисправность. Тогда между уроком и руками прошла одна ночь. Когда это перестало получаться?

Признание не принесло решения. Ему хотелось, чтобы после такой мысли следовало что-то соразмерное: звонок, увольнение, отказ от старого, хотя бы выброшенная тетрадь. Вместо этого он услышал, что ванная освободилась, и пошёл чистить зубы.

На следующий вечер пришло письмо.

Он увидел тему ещё в метро: последние часы набора. Новый курс был как раз о переходе от знания к действию. Это совпадение даже показалось смешным. Он усмехнулся, закрыл письмо и доехал до своей станции.

Дома открыл снова.

Программа отличалась от предыдущих. Меньше теории, конкретные задания, короткие занятия. Он внимательно прочитал условия. Цена была снижена до полуночи. При полной оплате давали доступ к дополнительному модулю; его он решил не брать. Эта маленькая сдержанность придала покупке вид обдуманного решения.

Он не верил, что курс изменит всё. Именно это он сказал себе перед оплатой. Никаких прежних иллюзий, просто инструмент, которым теперь воспользуется иначе.

На экране появилась надпись об успешном платеже.

Он подождал письма, сохранил пароль и открыл первый урок. Человек в кадре попросил достать тетрадь. Он взял ту,

где на первой странице было написано «Новая система», перелистнул несколько пустых листов и поставил дату.

Сосед включил воду. Во дворе завелась машина, на этот раз сразу.

В графе количества теперь следовало написать сорок два. Он знал об этом и пока не стал возвращаться к таблице.

Глава 2. Чужой голос

В январе сервис открыли позже обычного: Вадим никак не мог найти ключ от внутренней двери, хотя наружная уже была открыта. Они стояли на лестнице втроем, пропуская вниз холод. Костя держал пакет с едой, он — коробку деталей, привезённых по пути. Вадим по очереди проверял карманы и раздражался на карманы, как на людей, которые скрывали от него важное.

— У тебя дубликат, — сказал Костя.

— У меня и основной есть.

— Дубликат в кассе.

— А касса где?

Костя посмотрел на запертую дверь и кивнул. Все трое рассмеялись, даже Вадим. Потом ключ обнаружился в маленьком отделении сумки, куда хозяин сам положил его перед праздниками, чтобы не потерять.

Дверь открылась. В помещении пахло стоявшим воздухом, картоном и чем-то сладким — перед Новым годом клиент оставил коробку конфет. Одну из них он съел, пока включался компьютер, и сразу пожалел: начинка была приторной, а выбросить наполовину съеденную конфету при остальных оказалось почему-то невозможно. Пришлось дожевать.

От сорок второго курса он успел посмотреть три занятия. Третье не понравилось. Он старался не придавать этому значения, чтобы не воспроизвести знакомый порядок. В тетради имелся список действий на неделю. Одна строка была зачёркнута: разобрать рабочий стол. Он действительно разобрал его вечером третьего января, вытер пыль под лампой и выбросил чек от ботинок, которых у него уже не было. Новое устройство продержалось два дня.

Первый клиент принёс телефон с просьбой «просто почистить память». Потом позвонили из соседней точки по поводу поставки. Потом в дверях появились две женщины.

Младшая не сразу прошла к стойке. Она придержала дверь, дождалась второй и только тогда сняла перчатки. На её тёмном пальто оставались маленькие кусочки мокрого снега. Старшая несла прозрачный пакет с телефоном. Пакет был завязан так туго, что она не могла развести узел.

— Можно ножницы? — спросила младшая.

Он протянул ножницы ручками вперёд.

— Не надо резать, — сказала старшая. — Он хороший.

Он решил, что речь о телефоне. Женщина повернула пакет к свету.

— Пакет хороший. Нина, не режь.

Нина посмотрела на узел и терпеливо начала ослаблять его ногтем. Он стоял с ножницами в руке. Потом положил их на стойку и подождал.

Телефон был в бордовом чехле. Из трещины в стекле расходилось несколько тонких линий; одна проходила через защитную плёнку, давно отставшую у края. Женщина поставила рядом зарядный провод, хотя он ещё ничего не спрашивал.

— Включается?

— Вчера был чёрный. Сегодня тоже. До этого работал.

— Падал? Вода попадала?

— Упал. На кухне. Но он и раньше падал.

— Когда именно перестал включаться?

Она начала рассказывать с субботы. Нина не перебивала. В рассказе были звонок соседки, кастрюля, визит в аптеку, не тот провод и другой провод. Он пытался выстроить последовательность и ловил себя на том, что ждёт окончания, как ждут, когда загрузится нужное окно.

— Нам важнее данные, — сказала наконец Нина. — Сам телефон можно не сохранять.

— Там всё, — сказала старшая.

Эта фраза звучала в сервисе ежедневно. Под «всем» обычно подразумевались фотографии, контакты, доступ к банку и несколько переписок. Иногда у клиента имелась резервная копия, о которой он забыл; иногда не имелось ничего. Он привык сначала спрашивать о копии, потом обсуждать ремонт.

— Синхронизация включена?

Женщина замолчала.

— Вера Андреевна, мы сейчас посмотрим, — сказала Нина.

— Я же не знаю. Мне включали. Муж включал.

— Есть другой аппарат, где вы входили в ту же учётную запись?

— Старый есть. Но он совсем старый.

Нина достала маленький блокнот. У неё были коротко обрешаны ногти, и на большом пальце виднелось маленькое пятно синей краски.

— Мы проверим старый, — сказала она. — А здесь что можно сделать?

Он осмотрел разъём, рамку, внешние следы повреждения. Объяснил, что сначала нужно понять причину отказа. До осмотра нельзя обещать ни запуск, ни сохранение данных. Некоторые действия допустимы только после отдельного согласования. Вера Андреевна слушала с тем выражением, с каким люди выслушивают важное условие, смысл которого стесняются переспросить.

— Вы мне его не стирайте, — сказала она.

— Без вашего согласия ничего стирать не будем.

— И не обновляйте.

— Сначала посмотрим, что с ним.

Она держала указательный палец на чехле. Он ждал, когда она уберёт руку, но женщина не замечала, что мешает. Нина мягко коснулась её рукава.

— Там запись, — сказала Вера Андреевна. — Мне только одну запись. Остальное, если не получится, то не надо.

Он кивнул слишком быстро.

— Голосовая?

— Муж присылал.

Сказав это, она посмотрела не на него, а на часы за его спиной. Часы отставали на семь минут; он собирался их поправить с осени.

Он вновь взял ножницы, на этот раз чтобы отрезать полоску скотча для номера заказа. Когда заговорил, голос у него стал торжественнее, чем требовалось:

— Мы постараемся сделать всё возможное.

Вера Андреевна сразу спросила:

— А сколько это будет?

Он почувствовал облегчение. Цена возвращала разговор в область, где можно было отвечать определённо. Назвал стоимость диагностики и объяснил, что дальнейшие работы согласуют отдельно. Женщина вынула кошелёк. Нина остановила её: оплачивать сейчас не требовалось.

Квитанцию заполнили медленно. Вера Андреевна проверила номер телефона для связи — Нинин — и спросила, нельзя ли написать ещё домашний. Он дописал его от руки. Потом она взяла пустой пакет и сложила вчетверо.

— Пакет вам оставить?

— Как вам удобнее.

— Я возьму. Он хороший.

После их ухода он несколько секунд смотрел на бордовый чехол. Он убрал телефон в подписанный контейнер и отнёс к столу.

— Не включай вслепую, — сказал Костя.

— Я понимаю.

— Хорошо.

Он поставил контейнер отдельно от сегодняшних замен экранов.

• • •

К вечеру причина отказа ещё не была ясна настолько, чтобы назвать её клиенту без оговорок. Были признаки повреждения после падения; требовалась дополнительная проверка. Он позвал Костю, показал результаты осмотра. Тот посмотрел молча, спросил о двух вещах и предложил не торопиться с выводом.

— Если она только данные хочет, лучше сначала старый проверить, — сказал Костя.

— А если их там нет?

— Тогда будем знать, что нет.

— Старый всё равно проверим. Но я и этот пока не списываю.

— Я не списал. Я домой хочу сегодня.

Костя надел куртку. Он снова наклонился к плате: у одного из разъёмов след после падения был виден лишь под боковым светом. Снял изображение, отметил место, куда вернётся завтра.

Он набрал Нину.

Она ответила не сразу. На заднем плане слышался шорох бумаги.

— Сейчас могу говорить. Что у нас?

Он рассказал, что удалось установить и чего пока нельзя обещать. Произнёс «нужна ещё проверка» вместо приготовленной фразы «ситуация достаточно сложная».

— Старый телефон нашли?

— Нашли коробку. Телефон у племянницы, оказывается. Завтра заберём.

— Лучше начать с него.

— А этот?

— Продолжим диагностику в согласованных пределах. Если будет риск для данных или дополнительные работы, сначала свяжемся.

Она повторила его слова, как будто проверяла, одинаково ли они поняли друг друга.

— То есть сегодня у нас ещё нет ответа.

— Да.

— Хорошо. Лучше так и скажу.

Он ожидал разочарования, попытки ускорить, хотя бы вздоха. Ничего этого не последовало. Нина только уточнила часы работы и поблагодарила.

Положив телефон, он обнаружил, что устал меньше, чем перед звонком.

Костя собирался домой. Он долго искал перчатку и нашёл её в кармане собственной куртки.

— У меня тоже сегодня научное открытие, — сказал он.

— Какое?

Костя показал перчатку.

Они улыбнулись. Потом Костя вышел, и в сервисе остались вытяжка, холодильник за ширмой и слишком яркий белый свет. Он выключил верхние лампы, оставив настольную. Бордовый чехол лежал сбоку от инструмента, и во внезапно сузившемся пространстве всё выглядело не таким временным, как днём.

Он сделал в заказе запись о звонке. Перечитал, дописал, какие старые аппараты ждут, и только после этого выключил лампу.

• • •

Нина пришла через два дня одна. В руках у неё была плоская коробка из-под обуви.

— Нашли целый музей, — сказала она.

В коробке лежали три старых аппарата, зарядные устройства, карточка памяти в маленьком переходнике и записка, где неровным почерком были перечислены пароли. Он сразу отвёл взгляд от записки.

— Это лучше держите у себя. Если потребуется войти, введёте сами.

Нина забрала листок.

— Я ей говорила. Она решила, что вам так удобнее.

— Здесь всё подряд. Уберём, пока кто-нибудь не сфотографировал вместе с номером заказа.

Нина сложила листок вчетверо. Из коробки выпал провод; она поймала его локтем, выругалась и рассмеялась.

Вадим в это время разговаривал по телефону с поставщиком. У стойки стоял ещё один клиент. Пришлось перенести разговор на час, когда не будет очереди. Нина посмотрела в блокнот и спросила, можно ли в четыре. Он сказал, что можно, и записал время, прежде чем добавить что-нибудь ещё.

Она вернулась в четыре десять, извинилась и объяснила, что трамвай остановился между остановками. Он ответил, что ничего страшного, хотя десять минут уже успели ему показаться признаком отношения к чужому труду. Следом за ней вошёл клиент на выдачу. Она отступила к стене, и ещё пять минут они молча смотрели друг на друга через его плечо.

Один из старых телефонов включился. Второй не подал признаков жизни. Третий оказался вообще не Веры Андреевны: его оставил племянник, и Нина отложила аппарат, не открывая содержимое. В доступном телефоне была часть фотографий. Нужную запись пока не нашли.

— У неё там ещё компьютер, — сказала Нина. — Мы вечером посмотрим. Она помнит, что муж что-то переносил.

— Вы родственница?

— Нет. Работаю с её архивом.

— То есть фотографии?

— Фотографии, письма, записи. Что люди хотят сохранить и могут разобрать. Иногда просто подписи под снимками. Иногда большой альбом.

— А зачем человек заказывает подписи? Он же сам знает.

Нина посмотрела на него без обиды, но с удивлением.

— Иногда знает только он. Поэтому и нужно записать.

Она вытащила из коробки конверт. На нём карандашом было написано «Лето», и больше ничего. Внутри лежало несколько маленьких отпечатков: люди возле воды, тёмные стволы, стол на улице. Один мужчина был снят со спины.

— Это не её муж, — сказала Нина. — А если не спросить, можно решить, что он. И подписать красиво. Потом красивую подпись будут повторять.

Он хотел сказать что-нибудь о памяти, о том, как человек собирает свою личность из историй. Слова уже находились, привычные и удобные. Но Нина повернула фотографию и стала разбирать бледную надпись на обороте.

— Здесь, кажется, месяц. Видите?

Он наклонился ближе. Между ними пахло мокрой шерстью её пальто и старой бумагой. Под лампой стало видно: это был не месяц, а название станции, сокращённое до четырёх букв.

— Можно увеличить снимок, — сказал он.

— Можно. Но сначала я ей покажу. Она, может быть, сразу прочитает.

— Я только надпись хотел прочитать, — сказал он. — Отсканируем как есть, увеличим. Вы станцию прочитаете.

— А лицо тоже можно сделать отчётливее?

— Можно попробовать. Только тут я не поручусь, где кончится снимок и начнётся программа. Для надписи хватит обычного увеличения.

Нина снова вынула фотографию.

— Вот лицо как раз просили. Станцию только я ищу.

— Тогда сделаем отдельно и покажем оба варианта. Если вообще возьмёмся.

— Вы говорите «если» чаще меня.

— У меня запчасти приучили.

Она засмеялась, потом наклонилась к обороту снимка ещё раз.

• • •

Веру Андреевну он увидел снова в конце недели. Она пришла забрать один из старых аппаратов, который они решили не оставлять. Нины с ней не было.

— Она работает, — сказала Вера Андреевна, хотя он не спрашивал. — Я умею сама доехать.

Он достал коробку и квитанцию. Женщина надела очки, прочла запись, задержалась на сумме согласованной диагностики.

— Если не найдётся, всё равно платить?

— За сделанную диагностику — да. Мы это обсуждали при приёме. Дальнейшие работы пока не согласовывали.

Сказать это оказалось труднее, чем назвать цену в первый день. Он уже знал про мужа. Хотелось либо отменить плату, чтобы не чувствовать себя человеком, торгующим чужим горем, либо спрятаться за правила сервиса.

Он показал запись: что проверено, чего не делали. Вера Андреевна выслушала, кивнула и убрала кошелёк обратно.

— Я не спорю. Я узнаю.

— Конечно.

— А вы подумали, что спорю.

Он не нашёл быстрого ответа.

Женщина посмотрела на часы за его спиной.

— У вас неправильно идут.

— Знаю. Всё собираюсь.

— На семь минут. В прошлый раз тоже было на семь.

Он снял часы со стены прямо при ней, перевёл стрелки и повесил обратно.

— Теперь правильно?

Вера Андреевна сверилась со своими.

— Теперь на минуту вперёд. Но это уже немного.

Она забрала аппарат и собралась уходить. У двери остановилась.

— Там запись обыкновенная. Он говорил, что хлеб купил. Вы не думайте, что там какое-нибудь последнее слово.

Он почувствовал, как краснеет.

— Я не думал, — ответил он слишком быстро.

Вера Андреевна подержалась за ручку двери.

— А если просил что-то купить, всегда говорил «если будешь проходить». Даже когда знал, что я специально пойду.

Потом она ушла.

Он остался у стойки, держа ручку без колпачка. Снаружи Вера Андреевна задержалась: расправляла пакет, который так и унесла с собой.

Вадим вышел из маленькой подсобки.

— Она что хотела?

— Аппарат забрала.

— А второй?

— Здесь. Пока без изменений.

— Отметь.

Он отметил.

• • •

Вечером Нина позвонила сама. Голос у неё был деловой, чуть уставший.

— Компьютер нашли. Там беспорядок, но есть старые копии. Я сначала сама разберу названия. Если не пойму, можно будет спросить?

— Да. Только ничего не перезаписывайте наугад.

— Не будем.

Он спросил, много ли у неё таких заказов.

— Разных. Больше, чем времени, меньше, чем хотелось бы зарабатывать. Как у многих.

— Я думал, это сейчас востребовано.

— Востребовано — странное слово. Людям нужно многое. Не всё они собираются покупать именно у меня.

Он усмехнулся.

Нина спросила, умеет ли он работать со старой фотоаппаратурой. Он ответил, что кое-что умеет, но это не его основное направление.

— Тогда вам, наверное, интересно было бы к Льву Семёновичу зайти. У него маленькая мастерская на другой улице. Он собирается заканчивать. Там и инструменты, и место, и люди к нему ходят много лет. Только он не любит, когда ему рассказывают про перспективный рынок.

— А что любит?

— Когда спрашивают, как устроена работа.

Он помолчал.

— Он продаёт?

— Оборудование собирается продавать. Помещение снимает, там отдельно с владельцем разговаривать. Я не знаю всех условий. Могу дать номер, он разрешал.

Нина продиктовала адрес и прислала контакт.

После звонка он ещё несколько минут сидел, не открывая сообщения. На улице с таким названием он бывал, только в другом конце. Там стояли новые дома; здесь карта показала длинное низкое здание.

Он пошёл посмотреть маршрут. От сервиса было двадцать минут пешком, чуть больше с учётом снега. Мастерская закрывалась в семь. В ближайший свободный день он мог успеть.

Он уже собирался создать отдельную папку, когда заметил, что держит ручку над тетрадью, открытой на странице сорок второго курса. Там было написано: «Определить сферу приложения усилий». Под этой фразой он записал адрес.

Внизу оставалось место для номера телефона. Он аккуратно переписал и его, хотя номер уже был в контактах.

Позвонить сразу было поздно. Завтра — можно.

Он поставил рядом с адресом маленькую галочку. Потом посмотрел на неё и зачеркнул: пока ещё ничего не было сделано.

На полях

Размышления к прочитанному. Номера соответствуют главам романа.

К главе 1. Сорок один

Мне жалко отнимать у человека его вечерние занятия. В комнате, где даже стул принадлежит хозяину квартиры, они оставляют хоть что-то, обещающее перемену. Совет «просто начни» слишком легко произнести тому, кто может позволить себе несколько неудачных начал.

Но что именно куплено в сорок второй раз? Новое знание, несколько приятных вечеров, надежда больше не зависеть от чужого решения? За одну и ту же плату человек иногда требует от учёбы совершенно разной работы. Удовольствие от мысли она может дать. Разговора о зарплате за него не проведёт.

В этой истории мне важна его рука над открытым телефоном. Она умеет то, чему он пока отказывает в уважении. Прежде чем придумывать себе нового человека, ему предстоит решить, как быть с этим.

К главе 2. Чужой голос

Работа может быть нужна другому и всё же плохо оплачиваться, утомлять, не оставлять времени на жизнь. Сохранённый голос не делает подвальный сервис идеальным местом. Герой вправе хотеть уйти.

Меня занимает цена презрения к тому, чем он пока зарабатывает. Если всё настоящее назначено на потом, сегодняшняя просьба неизбежно становится задержкой. Между тем Вера пришла именно сегодня. Ей безразлично, считает ли мастер ремонт ступенью к чему-то большему.

У него есть право искать другую работу; у неё — получить внимательное отношение к этой. Эти права сталкиваются в нескольких часах, которыми он собирался распорядиться как временными.

Продолжение в полной книге

«Кодекс избранного. Шум» — история одной возможности и восьми месяцев, в течение которых близкие героя продолжают жить и принимать собственные решения. Полное издание включает тридцать глав и отдельный раздел авторских размышлений «На полях».

Полное издание: PDF + EPUB — 2 500 руб.

[Купить книгу на сайте →](#)

Ссылка откроет страницу с актуальными условиями покупки.